

Читайте в серии
«Зов другого мира. Молодежное фэнтези»:

Виктория Хэйзел «Танец со Зверем»

Лисса Риддл «Душа тьмы»

Алексей Гришин «Мой Тёмный Амур»

Син Яо «Проклятый мастер Гуэй»

Александра Рябкина «Кедр и гвоздика»

Елизавета Волошина «Тёмное отражение»

Яся Белая «Монстр под алыми парусами»

Анна Осокина «Под знаком снежной совы»

Елена Новак «Ночь Жатвы»

Калисто ла Фей «Докричись до меня шёпотом»

Лисса Рин «Инферия. Последний призыв»

Продолжение следует...

ЛИССА РИН

ИНФЕРИЯ
ПОСЛЕДНИЙ
ПРИЗЫВ

Freedom

Москва
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р51

Иллюстрация на обложке *_RC_*
Художественное оформление
А. Шороховой и Миланы Корягиной

Рин, Лисса.
Р51 Инферия. Последний призыв / Лисса Рин. —
Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (YOUNG ADULT. Зов дру-
гого мира. Молодежное фэнтези).

ISBN 978-5-04-220311-4

Хейм — пристанище могущественных демонов, охотящихся за душами людей. Именно здесь обитает Листера — сильная, своенравная и жестокая инферия, способная наслать смертоносное проклятие на любого, кто придется ей не по вкусу. Листера пойдет на все, чтобы осуществить свою мечту — стать Высшим демоном. Ведь тогда ей будет доступен человеческий мир, полный вожаденных душ.

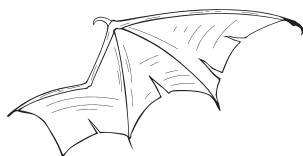
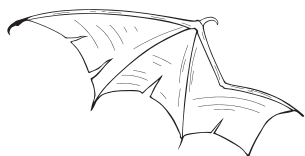
Но мир смертных открылся для нее гораздо раньше...

Торен Райз решил призвать демона ради спасения своей сестры. С ним Листера вынуждена пойти на сделку, даже не подозревая, чем для нее обернется их невольное сотрудничество. Первая любовь, крах последней надежды и роковой договор, ставший проклятием... Два непримиримых врага — и у каждого своя цель, ради которой враждующие миры сойдутся в жестокой схватке.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-220311-4

© Лисса Рин, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

Темная обветшалая комната, насквозь пропитанная запахом ладана, полыни и подгнившей самонадеянности, вызвала у меня спазм тошноты. Я поморщилась: ну вот зачем, спрашивается, так перегибать? В распространенных в мире смертных Гримурах ясно же указано: для защиты от обитателей Хейма вполне достаточно поджечь высушенную в первое полнолуние високосного года кровь первородной бескрылой летучей мыши. Ну неужели мы так многого просим? Нет же, жгут, окаянные, все, что под искру попадет: растения, перья, деньги, благовония, волосы... чаще всего почему-то свои. Один так и вовсе додумался припечь собственную кожу с защитной печатью на ладони, а потом весь ритуал призыва этим благолепием мне в нос тыкал. Тот мерзкий запах, между прочим, потом несколько месяцев с моих волос не выветривался! Пришлось смесью мертвого пепла и живого эфира сводить. Истратила тогда весь заполненный кулон, а ведь он был у меня последний! У-у, недалекие огрызки рода людского!

— Я взываю к тебе, Листера, хранительница проклятий Хейма и повелительница пагубы скорбной.

Я встрепенулась и горделиво выпятила грудь. А ведь неплохо звучит!

По привычке окинула быстрым оценивающим взглядом притянувшее меня пространство и поморщилась: до чего же они все одинаковые! Контраст между напускным и истинным был поистине впечатляющ! Куски старых и тщательно ободранных обоев свисали лоскутами, обнажая неровный серый бетон с детально прорисованными на нем глифами. Из мутного, с почерневшей деревянной рамой окна дуло так, что вонючие дешевые свечи то и дело гасли, а густые лохмотья пыльно-серой паутины развевались на сквозняке, точно флаги покоренного государства.

Я громко фыркнула. Ну вот как так?! Вычурные до безобразия и абсолютно бесполезные свечи и черепа самых невообразимых форм и расцветок, аккуратно расставленные вокруг пентаграммы, этот смертный отыскать сумел, а времени прибраться свое жилище, в котором он ежедневно ест и спит, не нашлось? Поразительное невежество!

Узри я подобное убранство в древней, схороненной в диком лесу избе знахарки-отшельницы, и то не так удивилась бы. А впрочем, нет. Иной раз в простой и скромно обставленной избе куда чище, нежели здесь, в квартире современной новостройки.

— Прошу, услышь меня, Листера, хранительница и повелительница... — Мужчина завыл по второму кругу Хеймовской преисподней и сыпанул в огонь свечей новую порцию головной боли, отчего я поморщилась.

— Да слышу я тебя, шушлепень, — чихнув, раздраженно отозвалась я и, прикрыв нос ладонью, позволила подлунному миру себя явить. — Я, Листера, повелительница скорбных проклятий и... и что там еще было? — и как у него только от таких мудреных оборотов язык еще не скрутился в липкий льстивый узел? — В общем, полностью внимаю слову твоему, о великий колдун! Изволь же услышать наречение твое, о сильнейший да умнейший мира сего.

Умнейший, как же! А самому составить да проверить ритуал призыва иллюзия мозга, видимо, не позволила. Разве что к защите он подошел очень основательно: тут тебе и зеркальный коридор, где сверкают голубые глаза призванной предвечной в моем лице, и кружево барьера из пяти триграмм, и освященные в ближайшем храме ладан со свечами. Странно, что еще солью ничего... а, нет, вот же она, родимая! А я-то все думаю, что это у меня под ногами скрипит!

Кстати, о соли. Помнится, один шпатель ржавый эту соль мне прямо в лицо сыпанул, а потом с криком выскочил из комнаты. А я всего лишь попросила убрать его вонючую свечу подальше от моих волос. Вежливо, кстати, попросила, а смертный возьми да и сигани прямо в окно да с третьего этажа. Вместе с рамой. Долго потом местные целители пытались разобрать сквозь его заикание и брань, что именно у него там сломалось.

— Чего? — нахмурился вызывающий моего любимого типа: опыта и умений с гузку петуха, зато спесивости и самомнения хоть рогами соскребай.

Такие раздражают сильнее всего. Хотя и недолго.

— Ну имя, — покачала я головой, разом убрав пафос: напускное раболепие стало утомлять. — Звать-то тебя как?

Высокий худощавый мужчина почесал узловатыми желтыми пальцами заросший трехдневной щетиной подбородок, а затем прикрыл ладонью впалые глаза, что-то прикидывая в уме. Я хмыкнула: имя, поди, себе пытается придумать, чтобы, упаси Багровый, призванный предвечный не воспользовался истинным!

— Я Зар... В смысле, твоего хозяина зовут Зарел.

Я скривилась: и этот туда же. Черкнули воском по древесине, пару свеч подкоптили и уже мнят себя хозяевами да повелителями. А дальше что? Предвечными себя нарекут? Убогие смертные!

Я скрипнула клыками, отчего «мой хозяин» вздрогнул и малодушно попятился.

— И чего же хочет хозяин Зарел от моровой инферии?

— Кого? — Склонив голову, Зарел уставился на меня бессмысленным взглядом.

Я прикрыла глаза и, коснувшись переносицы, раздраженно качнула головой.

— Звал зачем, спрашиваю?

— А, ну так это... наложи проклятие, бес.

— Бес? — Из моей груди вырвалось зловещее рычание, отчего Зарел трусливо вжал голову в плечи.

Вот так просто взять и обозвать меня какой-то там низкоранговой бесней? И как только инстинкт самосохранения повернулся? Где я, а где эти... ошметки Хейма, единственная цель и смысл жалкого существования которых — это пожрать. Урвать кусок побольше да пожирнее, не прилагая при этом никаких усилий! Глупые, слабые, недалекие бесы, точно ядовитая серная плесень, проникают повсюду, паразитируя на человеческих пороках и inferнальных слабостях. Ни чести, ни принципов, ни достоинства — в поисках добычи они не брезгуют ничем и никем. Даже обитателями Хейма, если те вдруг по какой-то причине оказались слабее.

Отвратительно!

— Так, — осторожно подал голос «мой хозяин», вернув меня в реальность, — как насчет проклятия, о хранительница Хейма?

Хранительница? А «повелительницу» куда дел? Повелевать-то я очень даже люблю. Да и кто ж из наших не любит-то?!

— Кого проклинать будем?

Сообразив, что я все еще следую его воображаемому сценарию, Зарел выпрямился и, выудив из недр выдавшей виды и ритуалы мантии изрядно потрепанную фотографию, едва не зарядил ею мне по носу.

— Аккуратнее, — прошипела я, с отвращением взглянув на мутный, с грязными бурными подтеками снимок. Думать не хочу, в каких местах он побывал. — И чем же он тебе насолил? — поинтересовалась я, пытаюсь как следует рассмотреть изображение мужчины, очень уж похожего на того, кто сейчас стоял передо мной.

Неужели снова кровники? И как только эти смертные умудряются веками жить в одном мире с себе подобными, если не способны ужиться в одном доме даже с близкими и родными?

— А вот это уже не твое дело, бес, — вызывающе бросил Зарел — и я резко выпрямилась.

Так, ну все! Есть границы пентаграммы, которые переступать не позволено никому! Уж точно не этому куску бесьего копыта с претензией на собственное превосходство!

Я вперила немигающий взгляд в зарвавшегося вызывающего и крестила руки на груди, будто ненароком выставив на обозрение почерневшие и удлинившиеся когти.

— Ты неплохо потрудился, проводя ритуал призыва, — кивнула я на печать под ногами и криво ухмыльнулась.

— Разумеется, — недовольно отозвался Зарел, совершенно не подозревая, к чему я веду. И напрасно! — Я отлично подготовился и все предусмотрел.

— И три уровня печати, и заговоренные свечи, — начала перечислять я, важно кивая на атрибуты призыва. — И даже окропленные водой из источника святой Велиции зеркала.

Зарел уколол меня подозрительным взглядом и нервно дернул плечом.

— Да, все как положено и...

— Как в мемории, — мягко поправила я, не сводя с него хищного взгляда.

Зарел моргнул, мотнул головой и растерянно огляделся. В его стеклянных, полных мстительного желания

ЛИССА РИН

глазах мелькнуло подобие мысли. Похоже, он впервые задумался о чем-то, кроме переполнявшей его душу ненависти.

— Что?

— Ты все сделал в точности по меморию, не так ли? — склонив голову, прищурилась я.

— Конечно! Я так и сказал, — рывкнул он, рубанув рукой воздух, и двинулся на меня. — Я все сделал как надо и...

Он осекся, с испугом взирая на то, как я свободно выхожу за пределы пентаграммы и — о ужас! — его удерживающего барьера.

— А вот тут я с тобой согласна, — тихо прошипела я и облизнулась. Взывающий застыл на месте. — Ты и правда сделал все как надо. Мне.

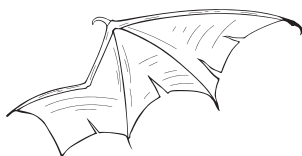
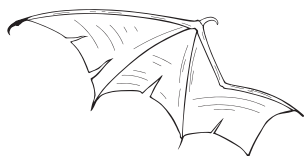
Удушливый воздух разрезал громкий звон: напуганного Зарела окропили брызги лопнувших зеркал. Свечи разом погасли, погрузив нас во мрак зловещего предчувствия.

— Aries... — Панический вскрик Зарела почти сразу же перетек в тихое всхлипывание. Он бессильно упал на колени. — Но как же, — из его сдавленного черными когтями горла вырвался слабый гортанный хрип.

— Проклинающему да воздастся, — шепнула я, обнажив клыки над липкой холодной кожей шеи.

Комнату пронзил душераздирающий мужской вопль.

ГЛАВА 1

Небольшой деревянный домик на отшибе города совершенно не вписывался в яркую, расписанную сочными цветами неоновых огней картину крупного мегаполиса. Еще сильнее он выделялся на фоне роскошных, раскинувшихся во всю ширину тугого кошелька коттеджей вокруг. Казалось, даже самому дому, скромно уютившемуся на небольшом засаженном газонной травой участке, было неимоверно тесно среди высоких заборов и белокаменных оград, которые так и норовили задавить крохотный надел земли своим манерно-фальшивым авторитетом. Даже густо высаженные у границ туи да лиственницы будто считали своим долгом затмить собой и без того редкие лучи холодного ноябрьского солнца; длинные рваные тени по-змеиному извивались вдоль каменной дорожки, пытаясь заползти под бархатный тент любовно установленных садовых качелей в глубине сада.

Устроившаяся на мягком широком сиденье златовласая семнадцатилетняя девушка робко подтянула ноги и укрыла их теплым пледом. Тени-змеи, словно почуяв неладное, резко колыхнулись, настороженно замерли — а в следующее мгновение растворились в медовом зареве предзакатного солнца, освободив клочок земли из наглого теневого плена.

Сбросив с себя удушающие объятия мрака, участок стал будто немного шире и просторнее. Переливаясь всеми оттенками янтарно-золотистого, он поспешил одарить своих хозяев ускользящим светом заходящего солнца.

Девушка удивленно огляделась, усмехнулась и, подставив лицо заботливым лучам, прикрыла глаза.

Три... два... один.

— Что? Опять?! — Плотный воздух всколыхнул рассерженный мужской бас по ту сторону забора, и Мелис прыснула в кулак. Похоже, ее брат снова навел порядок в соседской изгороди, что сильно не понравилось хозяину. — Да что за бесовщина с этими деревьями творится?! Продавец же, падла такая, пяткой в грудь бил и клялся-божился, что эта порода не боится ни мороза, ни зноя совершенно и абсолютно неприхотлива!

— Дорогой...

— Что «дорогой»? Ты туи видела? Это что за праздник дантиста на моем участке?! Уже в третий раз за сезон!

— Милый!

— Что «милый»? Я за что Фридриху пять сотен отвалил? Чтобы соседям подмигивать через щели? Да ты только посмотри, Дари, на эти голые сучья!

— Гаррет, может, дело вовсе не в туях? — робко прозвучал голос Дари, желающей успокоить разбушевавшегося супруга.

В звенящем от напряжения воздухе повисла секундная пауза, за которой последовали бухающие удаляющиеся шаги.

— Конечно не в туях. Дело во Фридрихе! В этом неприхотливом вечнозеленом торгаше, чей густой покров скоро испытает на себе все прелести сезонного увядания!

Шорох открывающейся автоматической двери гаража ясно давал понять, что над густым покровом некоего Фридриха нависла серьезная угроза.

— Но, дорогой, — предприняла еще одну попытку Дари, — туи на противоположной стороне в полном порядке. А ведь они все из одной партии. И все от Фридриха.

Похоже, ее доводы наконец-то достигли взбудораженного праведным гневом Гаррета: в новой паузе яростное горловое бурление сменилось задумчивым мычанием. Дверь гаража недовольно звякнула и снова зашуршала.

— Дорогая, а ты не помнишь, куда я дел ту треклятую инструкцию по уходу за хвойными?

Скрипнула парадная дверь.

Качели легонько скользнули. Мелис вздрогнула, но почти сразу улыбнулась.

— Ты немного перестарался, не думаешь? — В ее голосе проскользнул упрек. — Из-за тебя Моррисы скоро вконец рассорятся.

На плечи Мелис опустился соскользнувший плед, укутав хрупкую фигурку в теплые объятия кашемира. Торен осторожно коснулся ладонью ее лобика.

— Да все в порядке, — надулась Мелис и, недовольно тряхнув косичками, отстранила его ладонь. В ее широко распахнутых голубых глазах застыла грусть. — Меня больше не лихорадит, говорю же.

— Два дня назад ты тоже так говорила. — Торен вернул упрек баритоном. — А потом моя милая сестренка бухнулась в обморок прямо посреди лоджии.

Высокий светловолосый парень обошел качели и, встав прямо напротив Мелис, испытующе уставился на нее. Она смущенно потупилась.

— Мне тогда стало душно, вот и все, — тихо сказала она своим тонким запястьям.

— Ну да, и солнце в глаз попало, и пылью придавило.

— Торен! — вскинула Мелис гневный взгляд.

Однако это не произвело никакого впечатления на двадцатилетнего парня: его выразительно вздерну-

тая бровь и подчеркнуто-вежливое выражение лица были красноречивее слов. Мелис нахмурилась и попыталась скопировать его невозмутимое выражение лица, но эффект получился совершенно не таким, на который она рассчитывала. Снисходительность во взгляде Торена сменилась озадаченностью.

— У тебя что-то болит? — Уперевшись руками в спинку качелей, он обеспокоенно склонился над ней.

— Что? Да нет же! — Мелис отклонилась назад и, скрестив руки на груди, раздраженно уставилась на брата. — Со мной все хорошо!

— Ладно, как скажешь, — с сомнением произнес он и тоже немного отстранился. А затем растерянно оглянулся и нахмурился. — Как давно ушла смотрительница?

Мелис втянула голову в плечи и поджала губы.

— Я отпустила ее, — наконец буркнула она себе под нос и принялась нервно теребить плотный шарф на тонкой шее.

— Я не спрашиваю, по какой причине она нарушила свои обязанности, — холодно произнес Торен, снова нависнув над оробевшей Мелис. — Я спрашиваю, как давно ее нет.

— Совсем недолго. Где-то десять минут. Ну максимум полчаса, — поправилась Мелис под испытующим взглядом брата. — И что такого? — бросила она с вызовом. — Мне не нужна нянька, Торен! Я взрослый, самостоятельный и дееспособный человек — и вполне могу сама о себе позаботиться!

В порыве праведного возмущения Мелис не заметила, как вскочила с качелей. Плед с тихим шорохом скользнул с плеч и остался на сиденье, явив перед изумленным Тореном тонкий хлопок короткой пижамы и плюшевые тапочки. Глаза парня расширились.

Осознав собственную ошибку, Мелис отступила назад и лихорадочным движением попыталась запах-

нуться в плед, но подошедший брат поймал ее ладони и сжал в своих.

— Ты... ты давно здесь сидишь? — едва сдерживаясь, сквозь зубы спросил Торен. Мелис попыталась забрать свою ладонь, но силы были явно не равны. — У тебя же руки ледяные! А ну живо в дом! — все еще удерживая ее ладошку в своих пальцах, он резко развернулся с намерением поскорее увести сестру в теплый дом.

Под его ногами что-то тихо хрустнуло.

— Не приказывай мне! — возмущенно воскликнула Мелис, взмахнув свободной рукой, — и внезапно застыла на месте.

Торена прошиб холодный пот.

— Только не снова, — дрожаще произнес он и обернулся.

Уронив плед под ноги, Мелис стояла на каменной дорожке и, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, что-то бормотала себе под нос. Ее голубые глаза обесцветились, взгляд стал пустым, отрешенным. И чем дальше она говорила, тем сильнее ее тонкие губы растягивались в жуткой ухмылке.

— Мелис... — В голосе Торена проскользнул липкий испуг. Он сжал ее ладошки и прижал к своей груди. — Мелис, милая, прости. Я не хотел. Приди в себя, прошу. Мышонок, ты слышишь?

— ...ru immitamm de Entorar, — тихонько шептала она, ничего не замечая вокруг.

— Мелис, пожалуйста! — Торен притянул сестру к себе и обнял. — Бога ради, прекрати!

Это помогло. Шепот утих, и Мелис перестала раскачиваться. Торен ощутил ее маленькие ладошки у себя на спине.

— Прости, — тихо всхлипнула Мелис, уткнувшись лицом ему в грудь. — Я снова доставляю проблемы?

— Ничего ты не доставляешь, — вздохнув с облегчением, произнес Торен и крепче обнял сестру, словно

